

ОДИН СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Повезет не всем. Не мне так уж точно. Я вообще не привыкла к особому везению – если дождь, я без зонта. И мало, что без зонта, я по колено в грязных брызгах. Спрашивается, кто так ходит? Если жара, то я обязательно на солнцепеке без воды и с кучей дел, которые надо успеть завершить до восемнадцати. Как правило, дел больше, чем цифра восемнадцать. А к двадцати я без сил – и без ключей от дома. Потеряла где-то, пока моталась по делам.

Смирение перед отсутствием везения в моей жизни открыло мне большие дороги – я не надеялась ни на что, и даже на себя не надеялась, положившись на стечение обстоятельств. И вот они как раз однажды привели меня к неожиданной встрече.

Я тогда сидела на песке у мистически спокойной воды рукотворного озера Капчагай. Ветра не было, туч тоже, но песок был таким горячим, что каждый шаг – а я разулась, когда шла по нему – доставлял легкое мучение. Розовые пятки, которым я радовалась, сидя у мастера по педикюру, нестерпимо колело, поэтому я шла, легонько подпрыгивая. Это мне нисколько не помогало, ведь с каждым шагом я собственным весом утапливала ступню в песке. Невезение заключалось в тот момент и в избыточной массе тела. Или это просто отсутствие культуры питания.

Я дошла до воды, ополоснула ступни и села на рубашку, которую захватила с заднего сиденья автомобиля, припаркованного довольно далеко. Ближе не заехала бы, а если заехала, то застряла бы «ступнями» своего «опеля» без возможности выехать самостоятельно.

Услышала я его по характерному скрипу песка, еле слышному, но в такой тишине даже он – подобен гонгу, нарушившему покой уединения. Вздрогнула, конечно, посмотрела по сторонам в поисках каких-нибудь дополнительных людей на берегу, хоть кого-нибудь, кто мог обещать безопасность. Мало ли, кто там песком позади скрипит. Никого не было, а скрип приближался. Оборачиваться я не хотела, мне казалось, что такое внимание станет поводом или призывом составить мне компанию, завести разговор, а этого мне не нужно было, по крайней мере, в тот момент. Вода стояла передо мной, лишь изредка немного покачивалась, напоминая, что она не стекло, вполне себе стихия – просто на отдыхе.

- Это ваша, зеленая там стоит? – Незнакомец плюхнулся рядом.
- Моя. – Я продолжала смотреть на воду, демонстрируя абсолютную незаинтересованность в беседе.
- Не закрыли ее.
- Ну ладно. Кому она нужна? – захотелось добавить: «как и я».

– Здесь всякие люди встречаются. – Боковым зрением я видела, что незнакомец так же, как и я, смотрит вперед.

– Всякие везде встречаются.

– Это правда.

Озеро встрепенулось, я почувствовала слабый ветерок. Он словно феном на низкой мощности дунул, приподымая пряди волос. Чуть сильнее дунет и волосы бросит на лицо – не люблю, сразу начинаю чихать.

– Так смешно... Там на въезде написано, что налоговые службы приветствуют законопослушных граждан, прямо на холме большими буквами. Видели? – Незнакомец зачем-то настаивал на продолжении беседы.

– Видела.

– А потом шлагбаум – две тысячи за въезд на городские пляжи. Без чека.

– Ну можно же попросить чек. – Я пожалала плечами и все-таки повернулась к нему.

– Можно. Только это не чек. Расходник – в любой канцелярке можно попросить. Имитация.

– Ну... каков закон, таковы послушники.

Незнакомец рассмеялся. Довольно милый, моложе меня лет на пять. А может, и нет, просто выглядит хорошо. Такое «хорошо» означает, что даже бессонная ночь, даже мешковатый костюм будут этому парню к лицу. Он тоже посмотрел на меня, с интересом, улыбнулся. Интересно, что он здесь забыл? Хотя какая разница, ведь я тоже тут одна и тоже что-то забыла. Ну, ключи от дома точно на тумбочке в коридоре, вышла, хлопнула дверь, только потом вспомнила. И плюнула – какая разница, у меня агентство по вскрытию дверей давно на быстром вызове.

– По странному стечению обстоятельств попасть на Капчагай и обсудить действующие и не очень законы с незнакомкой – это так волнительно.

– А вы машину закрыли?

– Закрыл. Имитация уверенности в безопасности имущества.

– Ой, так вы, наверное, и квартиру закрываете уходя.

– Как правило, да. Но всякое бывает. Однажды закрыл дверь и ключ оставил. Вечером вернулся, а он торчит.

– Ого, у вас прям дом высокой культуры быта. Образцово-показательная безопасность.

– Повезло просто, так-то у нас и окурки на площадке, и бомжи иногда ночуют в подьезде.

– И качели сломаны во дворе? – предположила я.

– Да. И горка проржавела.

– Ну слава богу, а то я уже приготовилась завидовать. А что акимат? Не ставит новую площадку, сейчас вроде везде... Или вы не в Алматы живете?

– В Алматы. Просто наш двор с дороги не видно, поэтому облагораживать его никто не торопится. Зато загадить – каждый первый. Среди жителей, я имею в виду.

– Ну, залетные тоже бывают наверняка. В нашем дворе еще машины паркуют.

Мне вдруг стало так хорошо здесь, в окружении воды, воздуха и песка, к которому уже привыкли мои розовые пятки. Солнце, словно пистолет сквозь подушку из туч, по-прежнему палило, но не заставляло щуриться. Ну а ветер так и не разыгрался, вода задумчиво лежала, не шелохнувшись.

– Я никогда не видел Капчагай таким спокойным. Ему не нужен ветер, чтобы двигаться, ему хватает внутренних течений. А сейчас он будто выключился и вот-вот исчезнет, – задумчиво проговорил незнакомец.

– Воспарит. – Я вдруг увидела, как озеро подбирает воды, словно складки бального платья, и взмывает к тучам, впитывается в них, и уже вместе – тучи и озеро – обрушиваются на нас, лишая воздуха, открывая солнцу нас, подставляя под его прямые лучи. И мы, задыхаясь от витамина D, ложимся звездочкой на водно-тучевую гладь и дрейфуем, пока не прибудет нас к какому-либо берегу.

Мне показалось, что незнакомец видит то же самое, он как зачарованный смотрел вперед – вдалеке виднелись горы. Горы преследуют алматинца, окружают его, даже там, где нет ничего, кроме воздуха, он видит горы и понимает, где находится. Они как якорь для него. Как нечто, за что можно ухватиться в минуты отчаяния и страха. Когда алматинец теряет ориентиры, заснеженные вершины успокаивают его: мы стоим, и ты выстоишь. Когда его сносит порывами ветра, склоны шепчут ему: на нас ломаются деревья, но мы растим новые. Когда он чувствует себя одиноким, недоступные ущелья уверенно заявляют: до нас трудно добраться, но мы сохраняем свою безупречность и первозданную красоту. Алматинец успокаивается.

Мы сидели вдвоем на совершенно пустом пляже, казалось, будто и нас нет. Или мы – кто-то один. Поэтому и молчание невозможно было нарушить, странно ведь говорить с самим собой.

Озеро вдруг зашевелилось. Нехотя, недовольно, перевалилось с боку на бок и заколыхалось. Первая неуверенная волна набежала на берег, тронула его и отскочила, ожидая ответа. Не дождавшись, озе-

ро накинуло вторую, а затем еще и еще. Зашумело. Главный индикатор силы ветра – мои волосы – упали на лицо, обозначив свою неустойчивость. Я откинула их, чихнула и полезла в сумочку за ободком.

- Если пойдет дождь, у меня есть зонт.
- В машине? – Я улыбнулась.
- Ну да. – Он так обезоруживающе развел руками и задумчиво поджал губы, что я захотела узнать его имя.
- Это нас выручит, конечно. Но ведь можно не ждать, идти прямо сейчас, – «спрятаться в нагретые машины и разъехаться насовсем», предложила я мысленно.
- Тогда придется покинуть это безумно спокойное место. Удивительно спокойное!

Спрятаться от своего невезения там, где в общем-то не повезти и не может, потому что даже если пойдет дождь – это хорошо. Даже если накроет песчаной бурей – нестрашно. Даже если нападет кто-то и ограбит – ничем не разживется. И даже если машину, открытую, угонят – черт с ней, со старухой, только деньги сосет. Лучшее место на земле там, где ты неуязвим, но смертен и хрупок.

Позади нас – высокий песчаный бархан, по которому довольно неудобно спускаться, ноги срываются, и ты катишься вниз, как в детстве по ледяной горке. Я так никогда и не прокатилась с горки стоя, вставала, начинала ехать и падала на пятую точку, больше от испуга, чем от невозможности удержаться. И всегда-всегда завидовала тем, кто освоил такой способ катания. Теперь можно сказать, что я попробовала, но на песке. Или по песку не считается? Даже если и нет, я буду думать, что просто устояла на склоне, а песчаный он или нет – да плевать.

- Ты катался с ледяной горки стоя? – как-то неожиданно я перешла на «ты», сама удивилась.

А он будто бы нет:

- Катался, потом сломал нос и перестал. На попе удобнее как-то.
- Да, ты любишь безопасность, я поняла.
- Ну как... да. Я не люблю играть в рулетку с везением. Это, знаешь, моя знакомая оставляет сына одного дома с трехлетнего возраста. И безумно этим гордится, мол, самостоятельный растет. Она оставляет ему еду, закрывает в квартире и уходит. Ее дело – я не сужу, но, на мой взгляд, то, что пацан жив и здоров – это результат везения, а не закономерность. Я предпочитаю не увеличивать количество возможных угроз в своей жизни. В ней хватает того, что я не могу контролировать.

- Что, например?

- Например, если нас накроет волной – шанс мал, но есть, – предугадать и проконтролировать я это не могу. Ну, могу, конечно, не приезжать сюда. Или не подходить слишком близко к воде. Или не заводить беседу с незнакомкой, которая лишает меня возможности критично оценивать ситуацию. Все могу, но это уже паранойя. А вот закрыть машину, дверь, надеть теплую одежду зимой, прикрыть голову кепкой, чтобы солнце не напекло, – он снял кепку, – вот за этим я в состоянии следить.

- А плавать умеешь?

- Умею.

- А я нет.

- Значит, тебе повезло.

Неожиданно. Мне повезло в момент тотального отсутствия везения, как явления.

- Значит, я могу зайти в воду без страха?

- Ну ты же не закрыла машину, значит, и в воду зайти можешь.

- Логично. Теперь, когда мне впервые в жизни повезло, я могу все.

- Мне нравится эта победная улыбка.

А мне понравилось ощущение, которое ее вызвало.

- Конечно, тут еще вопрос доверия. Ты умеешь плавать, но могу ли я на это рассчитывать, поможет ли твой навык и хватит ли твоего опыта вытащить меня из воды?

- Слушай, здесь по меньшей мере метров пятьсот воды по колено. Если ты не убежишь далеко, я точно смогу тебя вытащить. Ну или подержать, если ты захочешь немного повалиться в воде.

- Ой, ну с таким же успехом меня подержит дно.

- Конечно, только у него нет теплых рук.

- Обволакивающий ил не прокатит?

- Видно, что ты не заходила в воду в этих местах. Песок, даже камней нет.

- Теперь я жалею, что не взяла купальник. – Я испугалась этой реплики. Она могла спровоцировать пошлую шутку вроде «без него лучше», и вся прелесть беседы пойдет камнем ко дну в самом глубоком месте Капчагая.

Но незнакомец промолчал. Повезло?

Скорее всего, нет, ведь теперь пошлой в своем кокетстве выглядела я. И хотелось объяснить – это не кокетство, оно само вырвалось. Я вообще не имела в виду того, что сказала.

Зябко стало. Я вытянула из-под себя рубашку и накинула на плечи.

- А вот это было предусмотрительно, – заметил незнакомец.

Хотя какой он уже незнакомец, какой-то абсолютно органичный мне человек, говорящий интересные и правильные вещи, сидящий на удобном расстоянии, не посягающий на наличие или отсутствие у меня купальника. Он был, будто всю жизнь был со своей ямочкой на левой щеке и зелеными немного припухшими глазами. Проблемы с почками, может, не выпался, может, физиология такая. В этот момент он достал из нагрудного кармана очки и надел. Плюс, минус? Спрашивать нетактично, но очки ему безусловно шли.

- Ты рассматриваешь меня?
- Ну да. – Меня не смутил вопрос. Удивил, как легко он это спросил, без той же пошлости и заигрывания.
- Запоминаешь?
- Ну да, вдруг встречу в городе, пройти мимо будет нетактично. – Черт, опять я говорю дребедень какую-то.
- Я не всю жизнь живу в Алматы. Приехал из небольшого города, думал, что здесь уж нет эффекта «все друг друга знают» и нет вероятности встретить знакомого, прогуливаясь по парку. И знаешь, что? Никакой разницы! Так же легко встретить кого-то неожиданно – в пробке, в кафе, на свидании.
- Наверное, это не зависит от города и количества человек в нем. Просто люди двигаются по определенной траектории, рисуя границы своей жизни, и пересекаются, отталкиваются, расходятся, снова встречаются. А еще... мне кажется, мы просто-напросто все друг друга знаем. Просто не знаем об этом. И друг о друге все знаем. И этого тоже не знаем.
- Это странно, но интересно. Я бы подумал и еще раз поговорил с тобой о траектории существования.

- Она нам обещает однажды столкнуться снова.
- Надеюсь, система не даст сбой, и это случится. Но я хотел бы подстраховаться, например.

Я много раз оставляла телефоны случайным знакомым, но к продолжению общения это ни разу не привело. Зато привело к значительной мощности переживаниям – не написал, не позвонил, потому что я что? Почему? Пусть и короткие эти переживания, но к чему они мне в жизни?

Солнце уже не палило, на пути к закату оно отвлеченное, безразличное, уставшее. Как я примерно. Зато ветер, будто любовник нетерпеливый, трепал одежду и волосы, сушил кожу горячим дыханием, и не увернуться от него, везде наступит, чтобы добиться своего. Я встала, незнакомец поднялся следом. Ветер распахнул рубашку и швырял в нас

песок без устали, я прикрыла глаза рукой, пытаюсь второй нашарить солнцезащитные очки в сумке. Оставила в машине.

- Отвернись, – попросил меня незнакомец. – Ветер дует туда. Смотри на меня.

И я посмотрела, чуть приподняв голову, и улыбнулась, сказала застенчиво «спасибо» и повернулась к озеру, оно было покрыто пеной, утыканной мелкими веточками, поднятыми со дна. Несколько секунд смотрела, как бы говоря «пока-пока, до встречи». Я поеду сейчас домой на своей «сикарашке», забуду день, незнакомца и пену в веточках. Вспомню о своем тотальном невезении и продолжу оставлять ключи на тумбочке.

Ах да, сегодня еще надо войти в дом, возможно, через балкон соседей.

- А ты умеешь вскрывать замки? – спросила я.
- Возможно, не пробовал никогда. А чей замок нужно вскрыть?
- Мой, ключи забыла на тумбочке.
- Тогда могу.

Мы забрались по песчаному склону, пятки уже не жгло, наоборот, погружаясь в песок, я чувствовала прохладу приближающегося вечера. Так босиком я и дошла до машины. Мы расселись – каждый в свою, и одновременно завели моторы. Утробный рокот нарушил тишину, напоминая побережью, что мы здесь были. Что будем, возможно, еще не раз.

НЕ СТОИТ ОБИЖАТЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮБОВНИКОВ

Я еще не знала его имени, когда он сказал: «Я поцелую вас, если самолет начнет падать, тогда мы не заметим, как разобьемся».

Мы взлетали в темноте, огни полосы на разгоне превратились в желтые проволоки, дрожали тихонько и закончились как раз тогда, когда я, судорожно вжавшись в кресло, выдохнула. Мне хотелось закрыть шторы, но по правилам – не положено, поэтому я просто закрыла глаза и дышала. Вдох – вы-ы-выдох. Вдох – вы-выдох. И на третьем протяжном выдохе я услышала его слова. Открыла глаза и удивленно повернулась к соседу. Он улыбался.

- Вы неверующая?
- Да вроде она, верующая. А что?
- Обычно верующие еще крестятся и молитвы читают на взлете.
- Ах черт, я совсем забыла об этой опции. Думаете, помогает?
- Нет. От страха летать помогает только психотерапевт.
- У меня нет возможности возить с собой психотерапевта.

Сосед рассмеялся и ничего не ответил. Я выжидающе смотрела на него секунду-другую, а потом повернулась к окну. Крыло самолета задралось, мы зашли на поворот в поисках своего воздушного коридора. Сердце словно увеличилось в размерах, в животе стало тесно от него и от его стука. Еще

и уши заложило. Я снова забыла взять с собой чупа-чупс. Или нет? Полезла в сумочку, чтобы его найти, ударилась о переднее сиденье, выронила сумочку, из которой выкатился чупа-чупс.

- Ах, тебя-то я и искала, – пробурчала я себе под нос.
- Интересно, почему в самолетах перестали раздавать конфетки, – проговорил сосед.
- Это на лоукостерах, на обычных рейсах вроде раздают. Но я давно не летала.
- Ну знаете, если лоукостеры покупать перед вылетом, они становятся очень даже хай-костерами, цена даже выше, чем на регулярные рейсы других компаний.
- Ну это нормально, цены снижены за счет ранней покупки, понижения комфорта, отказа от питания и багажа...
- И от отдельного места... Вы говорите прямо по буклету. – Он наклонился и поднял пудреницу, выпавшую из сумки.
- Спасибо. Да, я не только говорю по буклету, я часто их еще и пишу.
- Копирайтер?
- Я предпочитаю называться коммерческим писателем.
- Почему? Значительнее звучит?
- Ой, это большая тема. Расскажу ее вам, когда начнем падать.

– Мы будем целоваться, не успеете.

– Ах черт, я забыла об этой опции.

Сосед вытащил из кармана кресла газету, развернул ее, достал карандаш и погрузился в чтение.

Высоту мы успешно набрали, пассажиры начали шуршать, вставать, переговариваться между собой. Момент отключения на табло знака «Пристегните ремни» всегда сопровождается этим шумом. Словно жизнь, остановившаяся на время взлета, снова запускается и начинает генерировать процессы мироздания. Я не стала отстегивать ремни, лишь ослабила их, чтобы сесть чуть боком, спиной к иллюминатору, и достала телефон. Еще дома я скачала кино, чтобы отвлечься на пару часов от полета. Но смотреть фильм мне мешал сосед, я то и дело поднимала глаза и рассматривала его.

Угрюмый. Он сидел, сдвинув брови, и покусывал кончик карандаша, оттопырив мясистые губы. Читал газету. Иногда поднимал глаза – светло-голубые, будто воды в них налили с горкой, отчего они казались навязать. Может показаться, что на любителя такой человек, но нет, довольно приятная внешность. Ну, разве что шрамы на шее могли кого оттолкнуть. Два старых белесых шрама продолговатой формы, они показывались из-под белого воротника рубашки, когда он вытягивался, чтобы хрустнуть спиной, или когда поворачивался ко мне, чтобы застенчиво улыбнуться. Белые зубы, слишком белые и слишком ровные. Они как-то не увязывались в моем восприятии с торчащей из кармана его выглаженного пиджака пачкой сигарет. Он хватался за нее, когда самолет начинало трясти, а второй рукой упирался в подлокотник так, что пальцы белели. Тщательно выбритые щеки, славный такой квадратный подбородок, нос идеальный, без горбинки – тоже такой хочу, – я не могла перестать наблюдать за ним, а он в какой-то момент перестал читать, откинул голову назад и закрыл глаза. Ресницы схлопнулись, морщина задумчивости между бровями разгладилась, а на вытянутой шее показался кадык, словно пытался разорвать кожу и вылезти, как какой-нибудь «чужой» из кино. Он поправил аккуратно лежащие волосы без единого вихра (я б так и за два часа не уложила).

Солнце только начинало смелеть, бросая на нас желтый утренний свет сквозь иллюминатор. Я опустила штормку.

– Ваша нервозность и мне передалась, – сказал сосед, не открывая глаз.

– Ой, ну вот не надо. Вы и без меня отменно переживаете.

– Есть такое. Правда. Всегда боялся летать. То есть... не то чтобы боялся, а тревожился. Не люблю путешествовать на транспорте, за который не могу отвечать. Предпочитаю авто.

– А почему на авто не полете... то есть не поехали?

– Надо было срочно. Вчера вечером правдами и неправдами купили последний билет. Хотя... – Он открыл глаза и глянул на свободное кресло в нашем ряду. – Что-то эти авиакомпании мудрят. Вон сколько свободных мест.

– Может, кто-то не пришел на рейс, и все.

– Ужасная безответственность. Никогда не понимал, как можно опоздать на самолет.

– Однажды я проспала свой рейс. Проснулась, а на часах десять ноль пять. Ровно то время, когда самолет должен был взлететь.

– Никогда не понимал, как можно проспать. Вообще проспать, не важно, что. – Он тоже сел полубоком и теперь внимательно меня разглядывал.

– Я много выпила накануне, – пожалала я плечами. – Только не говорите, что вы никогда не понимали тех, кто много пьет.

Он ласково улыбнулся и проговорил:

– Да, я редкостный зануда, девушка. Извините.

Столько уверенности и гордости за свое занудство сквозило в его интонации.

– Сейчас модно говорить «душила». Не стоит извиняться. Занудству зато не нужен психотерапевт.

– Душила, – протянул он, морщась. – Какое неприятное слово. Но резонное, зануды иногда просто душат своими репликами, придирами и выводами.

– Среди моих знакомых нет зануд, если честно. Не попадались никогда.

– Ну, теперь есть.

– Фактически нет. Мы не знакомы.

– Иван. – Он протянул мне крупную ладонь.

На ощупь она оказалась мягкой. Пальцы длинные, ухоженные. Я на секунду замешкалась, стесняясь своих под корень обрезанных ногтей и отсутствия маникюра.

– Таня. А по отчеству вас как?

– А вот это вы зря, Таня. Не стоит обижать пожилых зануд. – И снова в голосе гордость – за возраст, кстати, не такой уж и пожилой этот Иван. Лет сорок – сорок пять.

– Простите, банальная вежливость. – На самом деле никакая не вежливость, мне просто захотелось дистанцироваться от него, намекнуть, что поцелуев при падении не будет и продолжения знакомства тоже. Просто этот пожилой (или не очень) зануда оказался гораздо интереснее фильма, который я закачала на смартфон.

- Не извиняйтесь. Куда вы летите? – Тон его стал церемонным, потому что мы перешли к тем самым вопросам, которые задают друг другу пассажиры самолета, если вдруг начинают разговаривать.
- Туда же, куда и вы. – Я пожала плечами.
- Вы, Таня, небанально вежливая. – Он улыбался и улыбался, не сводя с меня глаз и сводя меня с ума от стеснения.
- Я уже даже не находила, что отвечать.
- Я не знаю, что на это ответить, – призналась я.
- Хорошо. К кому вы летите? По делам? Или к родным? Или путешествуете?
- Странно путешествовать в богом забытый городок. – Как-то невежливо прозвучало, конечно. Может, этот городок мил его сердцу или памяти.
- Ну почему же. В Уральске много интересного. Вы знали, например, что Емельян Пугачев там и развернул свое восстание когда-то. Даже дом его есть. И Пушкин любил навещаться в богом забытый городок.
- Ну не так прям и любил. Пробыл всего три дня, если верить открытым источникам.
- Ах, вы знаете. Таня! Тогда как вы можете говорить о том, что там не интересно. Я покажу вам дом Пугачева и даже его трон!
- Который сделан без единого гвоздя?
- Да, как церковь в Алматы.
- Ну это же легенды, – протянула я.
- Про трон тоже, я думаю, легенды. Да все в нашей жизни – легенды. Так еще с древних греков повелось.
- Я расстегнула ремень безопасности и привстала над сиденьем, упершись коленями в кресло впереди меня. Иван тоже встал. Я высвободилась из межкресельного плена и направилась в уборную. Там, вместо обычного ритуала, подвешивающего меня над унитазом – господи, какие узкие эти туалеты, – я встала перед зеркалом и первым делом попыталась пригладить прическу. Концы волос торчали в разные стороны, а челка разъехалась. Подумалось, что надо бы впредь вставать загодя и делать укладку. Под глазами мешки от недосыпа, раннего подъема и воды, которую я всегда пью на ночь в огромном количестве. Губы обветрились от сухого воздуха на борту, посерели как-то. Мятая футболка добавляла антуража, абсолютно подтверждая мой потрепанный вид.
- Я летела на свадьбу подруги, могла бы и привести себя в порядок перед вылетом. Но поздно. Пожилой зануда увидел меня во всей красе. Когда я вернулась на место, он снова читал газету, по-

кусывая карандаш. Молча встал, пропустил меня и не говоря ни слова погрузился в чтение. Я подняла шторку, солнце бросилось в глаза и заставило меня зажмуриться. Оно было близко – так близко, словно летело рядом, только по ту сторону борта. Сунь руку за окно – и спишь ее дотла тут же. Я проморгалась, привыкла к солнцу и уткнулась носом в стекло. Стекло закаленное иллюминаторное – «даже стекло закаленное, а ты нет» – переиначила я популярный мем и сама себе улыбнулась. Внизу, под нами с солнцем, расцвели геометрические фигуры: желтые, терракотовые, зеленые. Даже разнозеленые. Пара овалов воды были разбросаны посреди прямоугольников и квадратов. Тонкая ребристая змея горного массива проходила через все это великолепие – и ни облачка. Ни под нами, ни над. Голубая долина, и я в консервной банке в своей мятой футболке.

В самолете пискнул сигнал – пристегните ремни, мы начинаем снижение. Оставалось совсем мало времени, чтобы успеть начать падать и целоваться. Но мы не падали, а спокойно, даже без тряски снижались. Я достала чупа-чупс и глотала через каждую секунду. На посадке уши особенно болят, по крайней мере, у меня.

Борт напрягся, нахохлился и выпустил шасси, тряхнув нас невзначай, но я этого даже не заметила, хотя обычно...

- Таня, оставьте, пожалуйста, телефон.
- Что? – Я обернулась, не успев вынырнуть из своих мыслей.
- Оставьте телефон, хочу пригласить вас на экскурсию по Уральску. Я здесь вырос, уверен, покажу вам немало интересного. Уж не обижайте. – Он улыбнулся и подмигнул мне.
- У меня майка мятая, и лицо тоже, говорю и шучу невопад, ну что он – насмехается, что ли.
- Не стоит обижать пожилых зануд, правда? – Он рассмеялся и аккуратно записал мой номер обкусанным карандашом на свободном от текста участке развернутой газеты.
- Не стоит. Тем более нам еще обратно вместе лететь. И не падать.
- Ну полетели тогда, – согласилась я.

